
Актуальні проблеми політики. 2015. Вип. 56

ситуацію в державі та суспільстві, наблизити Україну до моделі соціальної держави та до реалізації завдань, визначених Конституцією як основним Законом, якому повинні відповідати стратегії перспективного розвитку.

Бібліографічний список:

1. Конституція України: прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 р. – К. : Преса України, 1997. – 80 с.
2. Furness N., Tillon T. The Case for the Welfare State : From Social Security to Social Equality. – Bloomington, 1976.
3. Скрипнюк О. В. Соціальна, правова держава в Україні: проблеми теорії і практики / О.В. Скрипнюк. – К. : Ін. Держави і права ім. В. М. Корецького, 2000. – 600 с.

В статтє раскрывается сущность социального государства. Определен социальный характер современного украинского государства. Проанализированы заимствования и национальная специфика процесса формирования социального государства в Украине на современном этапе ее развития.

The article provides the explanation of the essence of a social state. The social character of the modern Ukrainian state is determined. The external adaptations and national peculiarities of the social state formation process in Ukraine at the modern stage of development are also analyzed.

Стаття надійшла до редколегії 23.09.2015

УДК 321.7

Хлевнюк Т. П., ОНУ ім. І. І. Мечникова

ДЕМОКРАТИЯ ЗАПАДНОГО ОБРАЗЦА – «РЕАЛИСТИЧЕСКИЕ СТАНДАРТЫ» И «ТУМАННЫЙ ИДЕАЛ»

Рассматривается тенденция радикального расширения демократического влияния как важнейшей политической альтернативы авторитаризму XX в. Доводится, что использование понятия «демократия» несет на себе печать идеализированного и весьма туманного образа в его теоретическом конструировании. Показано, что своеобразная идеализация демократии остается устойчивым стереотипом не только обыденного, массового сознания, но и многих политологических конструкций.

Демократия как форма правления и государственное устройство стало задекларированной политической формулой большинства

стран мира. С середины XX века демократия воспринимается как панацея от все бед, как «шапка-ушанка», по образному выражению, Н. Набокова, которая подойдет любому народу.

Волна демократических революций конца XX столетия и попытки последующих демократических преобразований в Центральной и Восточной Европе дали далеко не везде ожидаемые результаты, хотя стартовые возможности были практически везде относительно одинаковые. На вопрос «почему?» – вариантов ответа много, но единого знаменателя нет, да и вряд ли он может быть найден.

С распространением демократических форм правления на новые регионы мира достижение единого понимания демократии не только не приблизилось, но и стало еще более сложным и не до конца определенным. Наряду с сугубо нормативным, формально-институциональным подходом к характеристике того или иного политического устройства, абстрагирующимся от существенных аспектов его функционирования, достаточно распространенным является оценочный подход, открывающий широкий простор для субъективизма и эмоций при разграничении демократических и недемократических политических систем. Примером может служить, в частности, позиция известного американского специалиста по проблемам демократизации, соредатора весьма авторитетного журнала «Magazine of democracy» М. Платтнера. По его мнению, демократией является лишь то политическое устройство, которое несет в себе качества «либеральной демократии», отличающейся последовательным и всесторонним уважением к соблюдению гражданских свобод, прав человека и торжеством закона. «Сегодня, – утверждает он, – когда мир говорит о демократии, это почти всегда означает «либеральную демократию», это тот тип политического устройства, который существует в Соединенных Штатах и в большинстве других экономически развитых стран» [1].

Можно по-разному оценивать данное утверждение, которое, собственно, противоречит тезису о радикальном расширении демократического влияния как важнейшей политической тенденции конца XX в. Однако бесспорным является то, что использование понятия «демократия» часто несет на себе печать идеализированного и весьма туманного образа некоего, безусловно, позитивного во всех отношениях политического устройства в его теоретическом конструировании. Своеобразная идеализация демократии остается устойчивым стереотипом не только обыденного, массового сознания, но и многих политологических конструкций.

В связи с этим в западной политологии, приложившей немало усилий для теоретического осмысления этого феномена, появляется в последнее время вполне обоснованные высказывания по поводу семантической неопределенности, царящей вокруг понятия «демократия». Как известно, данное понятие имеет более 2000 определений, однако, ни одно из них не является общепринятой научной дефиницией.

Американский политолог Дж. Мюллер считает, что характерное для многих авторов идеализированное представление о демократии является своеобразной политологической проблемой, определяемой им как «проблема образа» демократии. Как отмечает Дж. Мюллер, ряд авторов, оценивая характер политического порядка, складывающегося в поставторитарных странах вообще и в посткоммунистических – в частности, склонны руководствоваться в своих суждениях не «реалистическими стандартами», а неким «туманным идеалом». И это несоответствие между образом демократии и демократической реальностью становится, по мнению политолога, фактором, порождающим существенные аналитические трудности [2, р. 102–104].

Таким образом, что в свете политических реальностей современного процесса глобальной демократизации использование понятия демократия с целью характеристики той или иной политической системы может иметь аналитический смысл лишь при наличии уточняющих это понятие определений. Так, Д. Кольтер и Ст. Ливитски в своей статье «Демократия с уточняющими определениями» пишут о важности конкретизации сегодняшних рассуждений о демократии и о процессах демократизации [3].

Американский политолог Р. Гастил, которому принадлежит авторство в разработке методологии определения степени демократичности политических режимов (она на протяжении ряда лет используется Домом Свободы при сопоставлении разных стран по уровня соблюдения в них демократических свобод) еще в середине 1980-х годов подчеркивал, что для оценки перспектив демократического режима необходимо уточнить, что именно подразумевается под словом демократия [Цит. по : 4, с. 256–257]. Однако единства мнений на этот счет до сих пор не существует. Понятие «демократия» продолжает оставаться слишком общим и абстрактным для того, чтобы его использование обладало сколько-нибудь значительным аналитическим смыслом. Как признает один из ведущих мировых авторитетов в области теории демократии Р. Даль, «за двадцать пять веков, в течение которых демократия обсуждалась, оспаривалась, поддерживалась, атакывалась, игнорировалась, утверждалась, реализовывалась, разрушалась, и затем иногда вновь восстанавливалась, согласия относительно некоторых

фундаментальных вопросов, относящихся к сути понятия демократия, судя по всему, так и не возникло» [5, с. 54].

И действительно, понятие демократия относится к числу тех, которые с большим трудом поддаются однозначному толкованию. В свое время Дж. Оруэлл заметил: «Когда речь идет о таком понятии как демократия, то обнаруживается не только отсутствие его общепринятого определения; любые попытки дать такое определение встречают сопротивление со всех сторон... Сторонники любого политического режима провозглашают его демократией и боятся утратить возможность пользоваться этим словом в том случае, если за ним будет закреплено какое-то одно значение» [Цит. по : 6, р. 4]. Согласно Р. Далю, понятие демократия имело разное значение для разных людей, в разное время и в разных местах света.

Г. Дилигенский считает, что демократически устроенное общество – это, в первую очередь, «общество, обладающее институтами, позволяющими ему в той или иной степени влиять на власть и политику (хотя это влияние неравномерно распределяется по различным социальным группам и различным сферам политических решений)», «общество, предоставляющее людям, с одной стороны, определенную степень свободы самоопределения личности – выбора форм деятельности, места жизни и работы, убеждений, источников информации и т.п. – и, с другой стороны, защиту от авторитарного произвола власть имущих, жизнь людей в рамках и под защитой закона» [7].

Можно соглашаться или не соглашаться с этим определением. Однако в данном контексте важно другое – специфические трудности определения феномена демократии, на которые, в частности, и указывает Дилигенский в своей рефлексии над темой: «... мы вольно или невольно включаем (в понимание демократии) не только эти общие принципы, но и конкретную модель политико-правовой институциональной системы, функционирующую в современном западном обществе» [8]. К середине 90-х годов XX ст. институты представительной демократии утвердились во многих еще недавно тоталитарных и авторитарных обществах – в постсоциалистических странах Европы, в ряде стран Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и в Южной Африке.

Конец XX века ознаменовался бурными событиями (от развития рыночных экономик в Азии до развала СССР и коммунистического блока), которые, казалось бы, свидетельствовали о торжестве западных принципов в ряде регионов, ранее не входивших в сферу западного влияния. Однако на протяжении всего столетия ни в одной стране (за исключением государств Восточной Европы и Балтии, где был лишь

восстановлен status quo) не сформировались ни подлинно демократический режим, ни полноценное гражданское общество. Политическая практика показывает, что во многих из тех стран, где под влиянием кризиса тоталитарных и авторитарных режимов и притягательности «западной модели» в последние десятилетия были созданы формально-демократические институты, они остаются неустойчивыми, часто дисфункциональными и выступают как дополнительный фактор социальной и политической нестабильности.

Как считают В. Иноземцев и Е. Кузнецова, западный мир десятилетиями занимался самообманом, усматривая признаки распространения свойственных ему ценностей там, где на деле их не было. Это, по-видимому, можно объяснить тем, что западные общества, прошедшие долгий путь естественного развития, стали воспринимать сложившиеся у себя политические формы как нечто неотделимое от своей социальной сущности; между тем формы копируются сегодня весьма легко, тогда как скрытые за ними основы создаются веками [9, с. 131-139].

Поскольку западная демократия является наиболее развитой и наиболее многосторонней исторической организацией политической жизни общества, ее определения, понимание характера порождающих ее и порождаемых ею отношений дают возможность проникновения в природу других политических форм, вовлекаемых процессами глобализации в общее историческое русло.

Практика показала, что для многих традиционных обществ изменить свой внешний облик оказалось нетрудным, при этом они сумели сохранить свои базовые принципы, отвергающие индивидуализм и не признающие принципов гражданственности. В качестве подтверждения этому можно считать введение института президентства у ряда африканских племен, появление законодательного органа – парламента – в странах, далеких от западной цивилизации и атрибутики (например, в Индонезии), декларирование введение принципа «разделение властей» в подавляющем большинстве развивающихся стран и т. п. Все это объяснимо тем, что главным условием выделения западной помощи, кредитов и инвестиций в последние десятилетия нередко выступало наличие формальных признаков движения к демократическому гражданскому обществу, а ресурсы, направлявшиеся постиндустриальным Западом, оставались важнейшим фактором развития периферийных стран. Видя формирующиеся там представительные институты, «независимые» суды, развивающуюся сеть банков и бирж, западные эксперты поторопились увериться в том, что речь идет о структурах, аналогичных существующим

в постиндустриальных странах. Прозрение наступило только в конце 1990-х годов, когда выяснилось, что официальные отчеты банка Таиланд не соответствуют действительности, экономическая политика Индонезии и Кореи определяется интересами клановых структур, а многократное увеличение курса рубля по отношению к доллару происходит именно в дни расчетов по валютным фьючерсам и т. д.

А вместо поиска новых форм и моделей демократии, соответствующих специфике данного общества, его истории и традициям, политические элиты воодушевляются стремлением как можно скорее насадить в своих странах институты и отношения западного политического устройства. В одних случаях это привело к сооружению почти современной формы, за которой скрывается господство прежних политических нравов и прежних методов правления. В других – «эталонные» демократические институты и отношения извращаются, становясь своей противоположностью, приспособляясь к произволу коррумпированной бюрократии, к приватизированному криминальными элементами.

Важно понимать, что критика подобной практики справедлива только с точки зрения западного эксперта, воспитанного в иной традиции и считающего семейственность, кумовство, коррумпированность и местничество неэтичными. А для традиционных обществ данные черты являются органичными и в большинстве случаев воспринимаются как норма. В порядке вещей считается тот факт, что лидеры таких обществ действуют или пытаются действовать в соответствии с западными принципами только в отношениях с западными же государствами, в то время как при решении внутренних вопросов они используются традиционные методы.

Следует ли винить во всем этом демократизацию? И да, и нет. Сейчас, уже во второе десятилетие нового тысячелетия, становится ясно, как никогда, что вопреки канонам вестернизации, люди не могут жить согласно одному единственному политическому порядку, даже если за последним стоят успехи народов ряда регионов. Существование человечества – не только каким оно было, но и каким ему быть – это мир своеобразия, специфики, различий (в т.ч. политических), не нивелируемых влиянием других, даже передовых стран, но и не противопоставляющих себя передовому опыту.

Итак, на основании выше изложенного следует сделать определенные выводы. Так, после проведения первых демократических выборов и перехода власти к поставторитарным силам, демократизация достигает качественно новой стадии своего развития и встает перед качественно новыми дилеммами. Главная из них – будет

ли процесс демократизации продолжаться и каковы будут результаты? Очевидно, что сам по себе приход новых, поставлоритарных сил к власти еще не является гарантией последовательного углубления демократического процесса. Во-первых, новые силы не являются демократическими по определению – они вполне могут быть подвержены авторитарным соблазнам; во-вторых, возникающие проблемы могут оказаться необычайно сложными для решения, а попытки новой власти – недостаточно эффективными. В среднесрочной перспективе сочетание этих факторов способно привести к совершенно иному, помимо демократической консолидации, результатам, например, постепенной консолидации неоавторитаризма, или – что еще более опасно – неконтролируемому революционному коллапсу основных общественных институтов. Поэтому, политический переход не может считаться полностью состоявшимся без консолидации установленных демократических институтов.

Консолидация демократии выступает, таким образом, лишь как один из возможных результатов демократизации и отнюдь не может рассматриваться как нечто последовательно-неотвратимое на этом пути. Не случайно, научная литература, посвященная анализу собственно проблем демократической консолидации, отмечена несравненно большим пессимизмом, нежели литература по проблемам перехода и передачи власти.

При всей дискуссионности самого термина «консолидация», чаще всего под ней подразумевают достижение режимом такого состояния, в котором ни одна влиятельная политическая сила, партия или организация интересов, не обсуждает всерьез иные, кроме демократических, пути приобретения власти и не использует для этого иные, кроме демократически признанных, ресурсы. Но такое, своего рода «негативное» определение консолидации, оставляет невыясненным целый ряд вопросов.

Является ли проблема демократической консолидации лишь проблемой времени? Специалисты утверждают, например, что ее решение потребует как минимум двадцати лет, связанных со сменой одного или даже двух поколений политиков. Однако правомерно ли называть консолидирующимся демократический режим, в течение нескольких лет не уделяющий никакого внимания институционализации демократических институтов, режим, который использует практику всеобщих выборов как ширму для прикрытия поисков новой концентрации власти и, возможно, возвращения к авторитаризму? Правильно ли сводить проблему демократической консолидации к проблеме выживания демократии? Очевидно, что нет. Явно, что

консолидація подразумеває упорную и целенаправленную роботу по конституированию и укоренению демократических институтов в обществе, по их взаимоголасованию и притирке. Консолидація подразумеває постійные усилия режима и оппозиции привить обществу уважение к правилам демократической игры, убедить вчерашних радикалов в том, что жестоко критикуемый ими «оппортунизм» и «соглашательство» в политике весьма нередко являются благотворными и заслуживающими одобрения.

Полемика относительно условий демократической консолидации берет свое начало в известных теориях демократизации. Одни авторы придерживаются убеждения, что на консолидацию оказывает огромное значение природа и степень общественной укорененности прежнего авторитарного режима, другие концентрируют свое внимание на модальностях перехода, без особого почтения относясь к его предпосылкам.

Сегодняшние переходы к демократии убеждают в важности наличия и степени развитости в обществе независимости в суждениях, общественного мнения и публичной сферы, автономных от государства экономических структур и многого другого. Не преуменьшая важности тактического и стратегического искусства реформаторов, их способностей отыскать и реализовать оптимальные и в основном приемлемые для оппозиции альтернативы политического развития, следует помнить и о роли историко-политических факторов.

Бібліографічний список:

1. Plattner M. By Popular Demand / M. Plattner // The New York Times Review of Books. – 2009. – Febr. 7.
2. Mueller J. Democracy, Capitalism, and the End of Transition Postcommunism Four Perspectives / Ed. M. Mandelbaum / J. Mueller. – N. Y., 2006. – P. 102–104.
3. Collier D., Levitsky St. Democracy with Adjectives. Conceptual Innovation in Comporative Research / D. Collier, St. Levitsky // World Politics, – 1997. – Vol. 49.
4. Сморгунов Л. В. Современная сравнительная политология. – М., 2002. – С. 256–257.
5. Даль Р. О демократии / Р. Даль. – М. : Наука, 2000. – 200 с.
6. Sartori G. The Theory of Democracy Revisited / G. Sartori. – Chatham, 1987. – 84 p.
7. Политические институты на рубеже тысячелетий / отв. ред. К. Г. Холодковский. – Дубна : ООО «Феникс+», 2001. – 480 с.
8. Политические институты на рубеже тысячелетий. Указ. монография.

9. Иноземцев В. Л., Кузнецова Е. С. Глобальный конфликт XXI в. Размышления об истоках и перспективах межцивилизационных противоречий // Полис. – 2011. – № 6. – С. 131-139.

Розглядається тенденція радикального розширення демократичного впливу як найважливішої політичної альтернативи авторитаризму XX ст. Доводиться, що використання поняття «демократії» несе на собі друк що ідеалізується і вельми туманного образу в його теоретичному конструюванні. Показано, що своєрідна ідеалізація демократії залишається стійким стереотипом не лише буденної, масової свідомості, але і багатьох політологічних конструцій.

The tendency of radical expansion of democratic influence is examined as a major political alternative led to authoritarianism of XX cent., that the use of concept «democracy» carries on itself a seal idealized and very misty appearance in his theoretical constructing. It is retained that original idealization of democracy remains the steady stereotype of not only ordinary, mass consciousness but also many political science constructions.

Стаття надійшла до редколегії 11.09.2015

УДК 321.02

**Співак М. В., Інститут держави і права
ім. В. М. Корецького НАН України**

МЕТОДОЛОГІЧНІ ЗАСАДИ ДОСЛІДЖЕННЯ ПОЛІТИКИ ЗБЕРЕЖЕННЯ ЗДОРОВ'Я

У статті наголошується, що складна структура об'єкта дослідження зумовлює використання у політологічному дослідженні охорони здоров'я як загальнонаукових так і специфічних методологічних підходів. Вказується на те, що предметне поле політики охорони здоров'я збагачується під впливом різноманітних факторів, чим розширює дослідницький горизонт, змушуючи активно використовувати методологію пізнання соціальної сфери суспільства, дослідження складних соціальних систем і процесів. Зроблені висновки про те, що дослідження збереження здоров'я у політології міждисциплінарні і відображаються у їх інтеграції з іншими дисциплінами насамперед із соціологією, психологією, правом, економікою, державним управлінням тощо.

Процес пізнання, як основа будь-якого наукового дослідження, є складним і вимагає концептуального підходу на основі певної